

Чжоу Сяофэн¹

ТОСКА ПО МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В современном постмодернистском мире слово «великий» обладает гиперболичностью, но в Санкт-Петербурге, историческом городе, это слово — не пустой звук, ибо здесь есть чем его наполнить. Лично мне для этого достаточно одного имени — Манделъштам. Я хотел бы выучить тот русский, на котором говорил этот поэт, и тогда бы я смог декламировать его своим сердцем.

В Санкт-Петербурге Осип Манделъштам провел важный период своей жизни — детство и годы учебы в университете. Здесь он стал акмеистом. Именно с этим городом связан расцвет его творчества, таланта и его несчастья. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожиток, до детских припухлых желез». В этом стихотворении («Ленинград») поэт обращается к городу по имени: «Петербург! Я еще не хочу умирать! / У тебя телефонов моих номера. / Петербург! У меня еще есть адреса, / По которым найду мертвцов голоса».

Я представил, что стою на Невском проспекте и (если забыть о времени) нахожусь в одном пространстве с Манделъштамом, как в невероятном сне. То, что я могу здесь говорить о Манделъштаме, я считаю подарком судьбы. Манделъштам — мой самый любимый поэт. Этот человек пострадал за творчество, лиру, его произведения доставляют мне бесконечное эстетическое удовольствие.

И. Бродский заметил: «Манделъштам является поэтом формы в самом высоком смысле слова». Когда В. Набоков прочитал возвышенно-прекрасное стихотворение Манделъштама, его охватил стыд: «Когда меня, бумагомарателя, называют писателем, я чувствую себя как сложивший бумажный самолетик ребенок в сравнении с учеными-ракетчиками и теряю себя, теряю уверенность в себе. У меня, наверное, никогда не найдется достаточно хвалебных слов, к тому же я

совсем другой весовой категории». «Это честь, о которой не смеет мечтать самый гениальный поэт...» — ответил на эти слова Манделъштам. Он заслужил их своим гением, «помножив феномен десятикратно». Он слагал стихотворные строфы с архитектурным совершенством, движение его образов невозможно предсказать, он как будто заново изобрел стихосложение, отмеряя крошечные доли на маленьких химических весах.

Полагаю, что никакая слава не может сравниться с его мечтами. Я читал некоторые произведения русской литературы и знаю, что Манделъштам вовсе не был ее первой «рудоносной жилкой». Но также я знаю, что если начать ее разработку, то силы одного-единственного небольшого камня, меньше моего сердца, будет достаточно, чтобы поразить меня.

Произведения Манделъштама переводили такие известные китайские поэты, как Бэй Дао, Хуан Цаньжань и Ван Цзясинь. Трудно понять, почему, с одной стороны, его стихи неповторимы, образы непередаваемы, а с другой — при переводе они не утрачивают своей силы. Подобно тому как бесценное и в то же время обычное зерно пшеницы можно перемолоть, и оно все равно станет душистым хлебом. В Китае творчество Манделъштама имеет много поклонников, и в этом бесконечном море я всего лишь незначительная песчинка. Лучше меня об этом написал сам Манделъштам: «Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой».

Главную тему Лихачевского форума следует освещать с глобальных позиций, но мне хочется говорить о диалоге культур и сотрудничестве цивилизаций, этом историческом и географическом явлении, с конкретной точки зрения — в связи с Манделъштамом.

Во многих стихотворениях Манделъштама появляются географические названия: Петербург, Москва, Рим, Иерусалим, Греция. Он родился в Польше, в детстве часто бывал в Финляндии, Прибалтике, впоследствии изучал литературу и философию во Франции

¹ Писатель, член Союза писателей Пекина (КНР). Автор романов «Стая птиц», «Твое тело — царство небожителей», «Седло с резьбой», «Глухой ангел», «Огромный кит поет» и др. Удостоен ряда литературных наград Китая.

и Германии. В совершенстве владел французским, немецким, английским, итальянским, греческим и армянским языками. Его творчество — как отзвук глобального эха, пока он сам не стал его великим певцом. Ведь тенденции глобализации свойственны не только нынешней материалистической реальности — практически о каждом выдающемся произведении можно сказать, что оно было написано на основе культурных ценностей общечеловеческой цивилизации.

По мнению И. Бродского, «порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, и дальше, может быть, чем он сам бы желал». О Мандельштаме он отзывался так: «Возможно, более, чем кто-либо в этом столетии, он был поэтом цивилизации». Действительно, Мандельштам творил на чрезвычайно обширном фоне; в его произведениях не только слышен шелест волн Волги и Сены, но и растворилась соль Балтийского и Средиземного морей. Поэтому на вопрос «Что такое акмеизм?» Мандельштам ответил: «Тоска по мировой культуре».

Литературное творчество схоже с пением в хоре — только если быть прилежным, проявлять свой талант, можно выделиться и стать солистом. Осип Мандельштам был воспитан глобальной цивилизацией, его собственный стиль отличался такой мощью и самобытностью, что трудно найти источники его творчества. Как сказала А. Ахматова, «у Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта».

К сожалению, как и укравший огонь Прометей, обвиненный и наказанный за любовь, Мандельштам, этот исполненный любви и энергии ангел, прожил жизнь, полную лишений. У него не было постоянного места жительства, дома, он умер в ссылке, и где похоронен, неизвестно. Он скончался, не дожив до 47 лет,

но выглядел при этом как старик. Под бременем невзгод Мандельштам стал похож на старую скрипучую телегу, но сколь бы ни была тяжела ноша, из его груди лилась песнь. Стихотворение, написанное Мандельштамом в 1936 году, причиняет мне боль: «Не мучистой бабочкою белой / В землю я заемный прах верну — / Я хочу, чтоб мыслящее тело / Превратилось в улицу, в страну — / Позвоночное, обугленное тело, / Осознавшее свою длину». Он был настолько ярок, что мы даже не осознали миг, когда потеряли его, когда он канул в беспросветную тьму.

Как мы можем выразить свое почтение и благодарность вдове поэта? Ведь именно она, в нужде и скитаниях, смогла сохранить в памяти бесценные произведения Мандельштама, дать им новую жизнь, возродить интерес к мрачной, но величественной российской истории. Далекий свет Серебряного века не померк под слоем пыли, не исчез от постоянной чистки; напротив, накопленная мудрость времен придала его сиянию еще большую силу.

Спустя много лет строки из стихотворения Мандельштама, как крыло бабочки, вызывают у меня, представителя далекой китайской цивилизации, восторг, и это может повториться в любом уголке планеты. То, что мы читаем, — это память, своеобразная церемония на кладбище мировой культуры, где призраки нам шептывают, словно секрет, свои утешения.

Он сокрыт под землей, как залежи драгоценной руды. В расщелине исторической памяти скрыто его монументальное имя. Когда мы смотрим туда, отделенные эпохой, все кажется канувшим в бездну, похожим на отражение рая, на надгробие почившего ангела. Осип Эмильевич Мандельштам — это имя вызывает благоговение и восхищение... Там его сердце вечно бьется, а здесь он — как гласный звук, вошедший в нашу речь и нашу жизнь.